

Тёплым летним вечером 1992 года мы сидели в гостях у Маргариты Тереховой в Коктебеле. Знаменитый бард Геннадий Жуков пел свои прекрасные песни, Виталий Калашников читал стихи. Потом киевлянин Александр Верхман рассказал нам необычную историю о том, как они в 1971 году тайно перезахоронили жену Александра Грина, Нину Николаевну Грин.

На жизнь и творчество Александра Грина большое влияние оказала Нина Николаевна Грин. Они прожили вместе более 11 лет. Жена воистину была его музой и была прототипом большинства героинь его романов – Ассоль, Джесси, Молли, Дези.

Когда она была в Большом театре на балете «Алые паруса», в котором танцевала Лепешинская, вдруг на весь зал объявили: «Здесь среди нас присутствует сама Ассоль». Свет софитов буквально залил ложу, в которой она сидела. Раздался шквал аплодисментов. Нине Николаевне бросали в ложу огромные букеты.

Супруги Грин переехали в Старый Крым из Феодосии 23 ноября 1930 года. Во время войны ей не удалось эвакуироваться, и она вместе со своей престарелой матерью оказалась в оккупации. Чтобы выжить, она вынуждена была работать корректором в типографии. Тогда ей удалось спасти от плена 13 заложников. Также она передавала в партизанский отряд сведения о расположении немецких войск.

В 1944 году умерла её мать, и она уехала в Одессу, где жили её друзья. Когда она прибыла в Одессу на пароходе, её прямо с судна вместе с другими снял отряд немецких солдат и привёл в большой дом. Все выходы из дома строго охраняли немецкие солдаты и в город не выпускали. Через несколько дней всех отправили на машинах на вокзал, где погрузили в товарный вагон. Через Румынию их перевезли в Германию, где распределили по рабочим лагерям. Нина Грин находилась в лагере под Бреслау. В 1945 году лагерь сожгли, а пленных погнали на Запад. По дороге, во время бомбёжки, воспользовавшись паникой, Нина Грин спряталась в груде мусора, а затем добралась на родину. Встретили её настороженно. Долго шла проверка в репатриационном лагере. Наконец разрешили вернуться на родину. В октябре 1945 года Грин вернулась в Старый Крым и через месяц была арестована. В её судьбе долго не разбирались. Следователь, который вёл дело, заявил напрямую: «Государству важны не причины, заставившие совершить преступление, а важно само преступление». Главное обвинение – работа на немцев в Крыму и в Германии. В расчёт ничего не принималось. Даже тот факт, что во время войны Нина Грин спасла тринадцать человек от расстрела.

А было это так. Осенью 1943 года в Старом Крыму убили немецкого офицера. Фашисты взяли 13 заложников. Жена одного из арестованных прибежала к Нине Николаевне. Та бросилась в управу, стала умолять городского голову поручиться за заложников. Получив нужный

Нина Грин

документ, Грин поехала в Симферополь, куда уже отправили арестованных. Благодаря заступничеству управы, люди были освобождены. В заявлении Генеральному прокурору СССР есть такие слова: «Всю свою жизнь после освобождения я посвятила сохранению литературного наследия моего покойного мужа – писателя Александра Степановича Грина, – и я ношу его имя, имя писателя, чьи произведения с таким интересом и благодарностью читает наш народ. Я обязана перед его светлой и чистой памятью приложить все силы к тому, чтобы ни малейшей тени не легло на это имя – и вот это единственное обстоятельство диктует мне вновь обратиться к Вам с просьбой о пересмотре моего дела. За своё малодушие, за свой страх перед голодной смертью я заплатила дорогой ценой – я 10 лет лишена была свободы, чести, я пережила много моральных унижений и так много физических лишений. Но всё это если не забыто, то уже позади, а мотивы отказа в реабилитации мною не забываются ни на минуту и заставляют ещё раз напомнить о себе.

Я обращаюсь к Вам в надежде, что Вы ещё раз проверите моё дело, учтёте те тяжёлые условия, в которых я очутилась, и поймёте, что отказ в реабилитации неправилен и несправедлив». Трудным был путь к правде, но, в конце концов, она восторжествовала. Остаток своей жизни Нина Николаевна практически провела в нищете. Долгое время она получала пенсию в размере 21 рубль в месяц, только в 1964 году планку подняли до 60 рублей.

Но и в этих условиях вдова известного писателя делала всё, что могла, заботясь о домике Грина, о его творческом наследии, о публикациях его произведений.

Инна Руденко вспоминала: «Как-то в Старом Крыму, проходя мимо маленького домика, встретилась я глазами с женщиной на его пороге. Поразил и запомнился навсегда цвет этих глаз – ясно-голубой, как крымское небо. То была жена Александра Грина, которой он посвятил свои “Алые паруса”. А неподалёку, у его могильной плиты, могучее дерево пламенело от алых треугольников, оставленных многочисленными паломниками. Давно это было. Нет уже Нины Николаевны, и вряд ли сохранилась стихийно возникшая традиция приносить Грину свои маленькие алые паруса. Алые паруса выцветают на ветру забвенья, перейдя в названия многочисленных и не очень свежих кафе, увядают под усмешками круглых реалистов». Когда Нина Николаевна скончалась, её не разрешили похоронить рядом с мужем. Через год, в октябре 1971 года, Юлия Первова, Александр Верхман и ещё четверо отважных собрались на старокрымском кладбище. Женщину поставили, как говорится в таких случаях, «на стрёме». Ночью, слава богу, поднялся страшный ветер, он заглушал стук сапёрных лопаток о камни, которых в земле было огромное количество. «Операция» прошла, если так уместно выразиться, успешно. Старый Крым спал спокойно, и его стражи порядка ни о чём не догадывались. «Гроб несли сменяясь. Освещённый огнями с шоссе, он, казалось, плыл по воздуху. Не исключено, что если бы в эту пору забрёл на кладбище местный житель, то пошла бы гулять по окрестностям легенда о том, как Нина Николаевна сама себя перезахоронила», – пишет Юлия Первова. Через год на квартире одного из участников этих событий был проведён обыск и найден дневник. Всех вызывали, запугивали, но никого не посадили. То ли решили не афишировать происшедшее, то ли не смогли подобрать соответствующую статью в Уголовном кодексе. Но через время история вновь скорчила страшную гримасу. В 1998 году в местном пункте приёма металла застали за распиливанием части памятника некоего гражданина. Добывая цветной металл, вандал изуродовал памятник, отодрав от него фигуру девушки, символизирующую Бегущую по волнам. И представьте, этот человек оказался внуком бывшего начальника МГБ, через руки которого и проходило в своё время дело Нины Грин.

...В лагерях она написала свои воспоминания о жизни и творчестве. После возвращения в Старый Крым Нина Николаевна перенесла прах матери, которая умерла во время войны, под алычу возле могилы А. Грина. Она пишет своим друзьям Новиковым: «Вот в этом маленьком свёрточке всё, что осталось от страстей, горестей, любви, забот большой человеческой жизни. Так стоит ли обращать внимание на мелочи, жадно приобретать?», и отвечала: «Не стоит. Живи, дыши, любуйся прелестью мира, тогда легко будет превращаться в горсть костей».

В конце 60-х годов Нина сидела на скамье, возле могилы мужа. Постучав палочкой, Нина Николаевна уверенно сказала Ю. А. Первой: «Здесь я буду лежать». Множество лет она добивалась у местных властей разрешения на создание музея писателя А. Грина. Советские писатели Константин Паустовский и Кирилл Станюкович написали фельетон в «Комсомольскую правду», который заканчивался словами: «...Нина Николаевна Грин – большая женщина, не имеющая пристанища и снимающая у людей комнату через улицу, чтобы хотя бы видеть этот домик, в котором сегодня курятник, но когда-нибудь в этом доме обязательно будет музей». Наконец, в 1960 году, к 80-летию А. Грина, было получено разрешение на создание музея. 10 лет Нина Николаевна посвятила музею.

Её душа покинула тело 27 сентября 1970 года. Согласно её воле и духовному завещанию, обращённому к Александру Верхману и Юлии Первой, поверенным при её жизни и душеприказчикам после смерти, она должна быть похоронена возле А. Грина. Гроб с её телом был перевезён из Киева в Старый Крым. Но местные власти, несмотря на все уговоры, отказались хоронить её рядом с писателем. Нину Николаевну похоронили метрах в 50 от Грина. Тогда её друзья решили перезахоронить прах Н. Грин. Знакомый юрист сказал им: «Если вас поймают на месте – получите по три года. Если успеете перенести гроб к Грину, то вам повезёт». Через год, 22 октября 1971 года, в Старом Крыму встретились Александр Верхман и Юлия Перва. Остальные должны были приехать вечером. Саша получил на почте сапёрные лопатки, отправленные заранее из Киева. На турбазе он позаимствовал ледорубы. Вечером на автостанции они встретили Феликса Россельса и Виктора Падалко. К сожалению, не смог приехать севастополец Геннадий Шнайдер. Целый день лил холодный дождь. Ночью они подошли к кладбищу, где их уже поджидали приехавшие из Симферополя Виктор Павленко и Николай Турчанинов. После полуночи 23 октября 1971 года, в день её рождения, двое начали копать яму возле могилы Грина, трое начали раскапывать могилу Н. Н. Грин. Юлия Перва сидела у входа на кладбище, на стрёме. Дул сильный ветер, заглушающий стук лопат, лил дождь. Гроб с телом Нины Николаевны перенесли к могиле Грина и поставили в нишу возле гроба А. Грина. Закопали могилу и убрали все следы раскопок. Саша Верхман включил магнитофон. Над могилами зазвучал реквием Моцарта «Лакримоза». Утром все собрались на квартире у Юлии Первой. Поделившись впечатлениями, пошли провозжать на автостанцию Феликса и Виктора Павленко. Через год у Виктора при обыске нашли дневник, в котором он описывал свои ночные приключения. Ребят вызвали в КГБ, но на допросе они не признали своей вины. В конце концов, их отпустили.

В 2003 году была создана авторитетная комиссия, в которую вошла и писательница Наталья Лесина-Шульц. Комиссия вскрыла могилу Н. Грин и окончательно, официально, подтвердила факт перезахоронения.

